

Б. Д. Эльконин

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ  
С ПОЗИЦИИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ.  
КУРС ЛЕКЦИЙ



МОСКВА 2022

УДК 37.015.3(042.4)  
ББК 88.6я7-2  
Э53

Э53

Эльконин Б. Д.

Психология развития с позиции культурно-исторической концепции. Курс лекций / Б. Д. Эльконин. – М.: Некоммерческое партнерство «Авторский Клуб», 2022. – 344 с.: ил.  
ISBN 978-5-907027-59-6

Настоящий курс лекций был прочитан профессором Б. Д. Эльconiным в онлайн-формате в феврале – апреле 2021 года при поддержке Некоммерческого партнерства «Авторский Клуб». В лекциях представлен авторский взгляд на сквозные темы психологии развития в свете культурно-исторической концепции. Их объединяет ключевой вопрос: как и когда опосредствование являет собой акт развития, как и когда социокультурные формы помогают проявить подлинную человеческую бытийность в ее полноте. В диалогах со своими ушедшими Учителями и в беседах со слушателями пересекаются смысловые горизонты психологии искусства, общей психологии и психологии развития, деятельностной педагогики и развивающего обучения, наводятся мосты между методологическими вопросами, психологической экспериментатикой и жизненными вызовами.

*Книга адресована психологам, философам, педагогам развивающего обучения и иных инновационных практик деятельностного типа.*

УДК 37.015.3(042.4)  
ББК 88.6я7-2

## Введение

Центральный вопрос всех лекций – вопрос о возможностях и способе занятия индивидом места в мире. Мои Учителя, в опоре на работы К. Маркса, говорили о «месте в системе общественных отношений» и о «культурных» формах, опосредствующих его занятие. Но поскольку в лекциях речь должна идти именно в рамке «культурно-исторической» психологии, то и уместен вопрос именно к ней – вопрос о том, как и когда социокультурные формы помогают выстроить действительную уместность, а не лишь ее ситуативную «симуляцию». Этот рамочный вопрос подвел к вопросу о том, каковы те способы построения «общественных отношений», в которых становится явленной и утвержденной человеческая бытийность.

В работах Л. С. Выготского искомым способ устроения общественных отношений был определен как знаковое опосредствование, в котором преодолеваются реактивные, выстроившиеся вне соучастия самого индивида формы его поведения. И здесь также возникают вопросы: во-первых, вопрос о том, каковы ситуации уместности самого опосредствования и, во-вторых, вопрос о том, каковы условия его эффективности. Все эти вопросы сводятся к ключевому вопросу о том, как и когда опосредствование есть акт развития, при допущении того, что именно в этом акте человеческое бытие выступает в своей полноте.

Таковы вопросы, которые я пытался осмыслить в лекциях.

Тексты прочитанных лекций я, разумеется, выправлял, подводя устную речь «ближе к мысли». Я старался это делать, не редуцируя живости устной речи, но, похоже, не везде получилось.

Выражаю искреннюю признательность Владимиру Александровичу Львовскому за возможность публикации лекций в издательстве «Авторского Клуба», Ольге Васильевне Решетниковой и Екатерине Игоревне Ташкеевой за редактирование и корректирование текстов лекций, а также всем соучастникам-слушателям, в вопросах которых и в дискуссиях с которыми продвигалось мое собственное понимание и мышление.

*Б. Д. Эльконин*

## Лекция 1

6 февраля 2021

Добрый день, дорогие друзья, коллеги. Начинается цикл лекций, который называется «Культурно-историческая психология и психология развития» или «Культурно-историческая психология как психология развития».

Эти лекции будут состоять из пролога – вводной части, содержащей ключевые *для меня* метафоры, символы, из которых мне становятся более явными вопросы, о которых пойдет речь. Слова «меня» и «мне» в моих лекциях, как это недавно в дискуссии на Facebook'e разъяснил Владимир Александрович Львовский, важные, потому что я не умею и не люблю кого-то чему-то учить. Моя стезя, моя дорога – это размышление. *Про-яснение* того предмета, о котором я пытаюсь говорить уже, правда, много лет, и все пытаюсь, пробую.

Вторая часть – введение в тему. Это – окружение Л. С. Выготского, то – где, в какой мыслительной реальности Л. С. Выготский работал. Тут я буду очень конспективен, потому что, если начать говорить об этом относительно подробно, то получится отдельный цикл лекций. Это введение нужно для того, чтобы вопрос самого Л. С. Выготского как-то проявить.

Третья часть – это *реконструкция* самих работ Л. С. Выготского. Реконструкция – потому что мы имеем преимущество разглядывать их, размысливать их и говорить о них, спустя большой временной промежуток – прошло 80 лет, чуть больше. Не выучивая наизусть Л. С. Выготского – это невозможно – в его текстах много «запинок», много есть мест, где мысль «спотыкается», и именно эти спотыкания и интересны. В этом смысле я говорю о реконструкции.

Следующая часть – это реконструкция так называемой деятельностной психологии или спора Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева, – она с этого начиналась.

Ну и, наконец, вопросы к моим Учителям из сегодняшнего дня и попытка найти представление об истоке, то есть единице – «выготскианским языком» – единице, молекуле человеческого становления. Ну и отсюда – периодизация онтогенеза (вслед за Д. Б. Элькониным) и мое представление о норме того, что такое зрелость (часто говорят, «взрослость»). При этом, предваряя возможные вопросы, скажу: когда я говорю слово «норма», я говорю не о среднестатистической норме, а говорю о принципе, то есть некоем совершенном виде того, что есть зрелость сейчас.

Ну и, наконец, короткий разговор в связи со всем этим о месте учебной деятельности в онтогенезе. Поскольку я читаю вам, а вы находитесь при образовании, а некоторые – в образовании, то уйти от этого вопроса невозможно.

Вот, это примерный расклад всех тем лекций. Собственно, я долго останавливаюсь на самом Л. С. Выготском и тех событиях, которые его окружали, в которых он думал и в которых работал – вернее, думал-работал (через дефис) – поскольку полагаю, что эти события сегодня актуальны, и их надо заново воссоздать.

Забегая вперед, замечу: то, что называется психологией развития, для Выготского и его последователей и было основанием так называемой общей психологии.

Всему курсу я предпослал бы три эпиграфа. Они будут мной заданы, мной высказаны, выложены последовательно в процессе нашего действия. Все эти эпиграфы из стихов Осипа Мандельштама. Я полагаю, что в этих стихах ключевые «точки вопрошания» были выражены максимально явственно. Вот поэтому «для подумать» я их и привлекаю.

Первый эпиграф – это его стихотворение, которое уместно именно относительно культурно-исторической психологии, как бы спорящее с ней, якобы спорящее с ней, а на самом деле, видимо, нет. Это такие строки, цитирую:

*Пусть имена цветущих городов  
Ласкают слух значительностью бренной.  
Не город Рим живет среди веков,  
А место человека во вселенной...*

Здесь для меня ключевое слово – «место». И вот, что это за место наше и где? Каким образом мы в своей мысли, в своем хозяйстве, во всей своей активности можем оказаться где-то *у-местными*, то есть фактически занять место, и что это значит – как мы это знаем? Вот, например, когда я читаю лекции (докладного, а не лекционно-педагогического типа), то как, когда и где они уместны? То есть занимают место *в...* чем? И это всегда и для авторов, и для слушателей вопрос серьезный. Правда, как серьезный он выступает далеко не с момента рождения (а бывает, что и вовсе не выступает).

Второе слово – «человека». Когда произносят слова «человек», «человечность», а в дальнейшем – «сознание», «психика», «субъектность» и прочие в этом роде – множество слов, их часто употребляют походя, без раздумий, о чем идет разговор, о смысле этих слов. Когда говорятся слова «человек» и «человечность», то о какой *действительности* (а не лишь «реальности» – см. работы Гегеля) идет разговор? Особенно разговор о том, что эта «человечность» обретает или не обретает *место*.

Я вспоминаю работу В. В. Кандинского (очень для меня важную) «Точка и линия на плоскости» (Кандинский, 2018). Вот «человек» – это как бы точка на плоскости? То есть, когда мы говорим «человека», то мы имеем в виду какое-то нечто, индивида среди множества других

индивидов («точек»)? Или мы имеем в виду другое? Вспоминается в качестве намека цитата из Ф. Ницше, из «Заратустры»: «Величие человека в том, что он мост, а не цель...» (Ницше, 2020). И значит, когда мы говорим слово «человек», мы его не точкой, а какой-то линией должны обозначить? А когда мы означаем линией, то мы можем сказать – место «про-движения», *становления*, историй (разного масштаба) человека? То есть его «сбывания» – он сбылся или не сбылся. И это вопрос...

Иногда меня упрекают, что я из некой философии задаю вопросы. Я не «философ» просто потому, что различие этих разных «шкафчиков» (в одном – философия, в другом – психология, в третьем – физиология и т. д.) в данном случае для меня несущественно. Я задаю вопросы, исходя из своего ключевого вопроса: «Когда мы говорим о развитии, мы говорим о занятии места? А занятие места – это порождение некоей *ситуации становления*?» И вот это «занятие места» – что это за занятие, каковы его условия? В двух смыслах слова «занятие»: занимать и заниматься, делать. Вот почему я выбираю этот эпиграф из множества других.

И еще есть одна интересная фраза-мысль Мандельштама в этих четырех строках: «Не город Рим живет среди веков». Не культура – слово, которое мы произносим «возвышенно», но тоже часто походя. Но не сам по себе город, не сама по себе «культура», а *место*. И, соответственно, когда мы работаем в культурно-исторической психологии, если уж мы туда «попали», то надо себя спросить, а зачем занятию места были и остаются нужными города, книги, слова? Что они делают-то? Или это лишь как-то случившееся окружение, «среда»?

Как бы Мандельштам, обращаясь к Выготскому, говорит эти слова. Кстати, «в скобках», были какие-то данные, что в 1930-е годы существовал своеобразный кружок-семинар, в который входили А. Р. Лурия, Л. С. Выготский, О. Э. Мандельштам, С. М. Эйзенштейн, где они

вместе что-то обсуждали, но вот что и как – это осталось неизвестным, к сожалению.

Вот я и воображаю, что Мандельштам Выготскому и говорит про культурно-историческую психологию: «Не город Рим живет среди веков», не социокультурные формы, взятые сами по себе. А что? А некое «место человека»? А разве не они сами и есть это «место»? Мандельштам в этом сомневается. Похоже, есть некие *условия* в них (в «культурном») «умещения».

Второй пункт пролога. Вы, я думаю, заметили, что я все время занимаюсь вопрошанием. Занимаюсь им искренне, а не дидактически. Это те вопросы, которые я пытаюсь обдумывать, а не учу задавать. В этом смысле я и говорю про не дидактичность – это *мои* вопросы. Станут ли они *вашими*... Это и будет рискованный акт занятия самих этих вопросов «места в...».

Что же есть устройство вопроса? Тут я иронично называю способ вопрошания «методикой Хайдеггера», который, конечно, «педагогом-методистом» не был. Он во многих своих работах (и в «Бытии и времени», и в «Прологоменах к истории понятия времени», книжке, предваряющей «Бытие и время», и в работе «Что зовется мышлением?», само название которой – вопрос) выстраивает свое представление о полноте устройства вопрошания (Хайдеггер, 1997, 1998, 2007). Он говорит, что вопрошание в своей полноте предполагает три аспекта.

Первое: *про что* спрашивается. Ну вот, например, что такое психика? Что такое сознание? То есть *про что* надо ответить. В текстовых задачах – это требуемое, то неизвестное, которое требуется определить, требуемый результат – то, чем завершается мысль.

Второе – уже «хитрее»: а что при этом *вы-спрашивается*? Не про что, а что при этом *вы-спрашивается*, подразумевается ли какой-то скрытый проход в этом вопросе к ответу. Например, на вопрос родителя ребенку-подростку:



«Как ты себя чувствуешь?» часто следует ответ: «Нормально». Однако здесь остается непонятым, а что есть эта «нормальность», т. е. «нормально» – это все-таки «как». И родитель начинает уже теперь *вы-спрашивать* про это «как».

С. Л. Рубинштейн в своей монографии «О мышлении и путях его исследования» (она вышла в 1958 году) сказал очень важные вещи про решение текстовых задач (Рубинштейн, 1958). Не надо путать две вещи: одно – это неизвестное, а другое – это искомое. Лишь в примитивной задачке это одно и то же. То есть *вы-спрашивание* предполагает то, *через что* мы проходим к ответу на вопрос – *про что*. И в этом смысле *вы-спрашивание* – это *поиск* искомого.

Еще пример. Когда говорилось словосочетание «место человека», я спрашивал (в символах точки и линии): «Имеется в виду “точка приложения” человека или его “дорога”?» И это я *вы-спрашивал*, *искал* смысл этого словосочетания. *Под-разумевал*, что, говоря слово «человек», мы имеем в виду его становление, его возможности. Человек этим своим становлением занимает место, а не мыслится как индивид, наличное бытие некоей «отдельности», которая называется «человек».

И третья часть вопроса: а что мы при этом *о-прашиваем*? То есть какова та ситуация, где *вы-спрашиваемое* явлено полно? Ну, например, в науке – это построение ситуации эксперимента (в психологии, в частности). Отметим, именно построение *ситуации* эксперимента, а не просто «эксперимент». А что такое построение ситуации эксперимента? Это построение условий нашей пробы какого-то обнажения, нашей пробы *увидения* чего-либо.

А дальше на вопрос все-таки надо ответить. В этой трехчастной постановке вопроса ответ лишь завершает то, про что мы спрашиваем. Вот мы спрашиваем: что такое сознание? И получаем, например, такой ответ-определение: сознание есть отражение реальности, «материи». Это всем известный – во всяком случае, людям моего поколения

и даже младше – ответ из курса «диалектического материализма», в котором «все ясно», и тема закрыта. Или может быть сознание все-таки – *способ* отражения реальности? Что же получается – ответ на вопрос замыкает разговор или он пограничен, становится границей? То есть по одну ее сторону он есть ответ, некое замыкающее суждение, но завершается он, открывается новым вопросом. А если ответ не открывается новым вопросом, то наше мышление живет как отдельные «островки», отдельные кусочки из отдельных ответов на отдельные вопросы, а не как «дорога» с ее запинками и поворотами.

Например, «центр» развивающего обучения – Учебная Задача – не замкнута на готовое решение (в отличие от «задачки»). Учебная Задача – это построение того ответа, из которого разворачивается дальнейшее вопрошание.

Итак, я, к сожалению, надолго тут задержался... Ну или не к сожалению, а может, к счастью, не знаю.

\*\*\*

Перехожу от «пролога» к теме о событиях мысли (в психологии), «окружавших» Л. С. Выготского. Они были связаны с первоначальным вопросом («про что») – со спрашиванием про психику и сознание. Нам, чтобы начать разговор о психике и сознании, надо спросить себя: а в каком мифе и образе мы себе мыслим вот это нечто, которое называется психикой, сознанием, мышлением и пр. Если мы вслушаемся, всмотримся в античную форму мышления, в это их представление, например, вспомним легенду о богине Психее, то мы услышим, что Психика – это некая животворящая энергия, это то объемлющее божественное, «прикосновение» к которому придает силы тому, кто прикоснулся. И есть какие-то условия сопричастности существ ей. То есть психика – это то, что «пронизывает» и, видимо, сознание – то, что пронизывает..

Это один вид понимания. Соответственно, если это то, что пронизывает, то *вы-спрашивается* про те условия, в которых пронизывает, а *о-прашиваются* те ситуации, в которых эти условия существуют.

Если же мы начинаем говорить о психике в духе науки психологии конца XIX века, т. е. о зачатке науки психологии, то забота Науки (а слово «наука» произносится очень часто с заглавной буквы – как особо «ценное») – это рассматриваемый извне объект. Задача состоит в том, чтобы то, что называется психикой и сознанием, *пред-ставить*. Что значит *пред-ставить*? Перед собой поставить. Представление, Representation – поставить перед собой психику и сознание в presence, увидеть в их *сейчас-существовании*. Это была основная забота психологии. Далее здесь возникает вопрос: а чем и как увидеть? Если я психику делаю объектом, то я как наблюдатель – это кто? Это что же получается – одна психика видит другую? Или что? Здесь и выступают способы опрашивания, построения эксперимента, характерные для *классической* науки. Экспериментатор должен «отгородиться» от испытуемого («опрашиваемого»). А некое (особое) «исходящее из» испытуемого поведение может выступить как тот «предмет», который назван сознанием и помещен в индивида.

Тогда возможны две позиции, два способа видения: одно («античное») – через создание условий сопричастности, условий «пронизывания» некоей телесности чем-то, называемым психикой или сознанием, и второе, классически-научное – создание условий «объективации» психики (сознания). Второе – это способ превращения сознания и психики в объект рассмотрения и размышления. Оно и было характерно для всей той психологии, которая возникла в конце XIX века и продолжает существовать ныне.

Однако надо же было задать то «начало», в котором «помещено» и из которого «исходит» психическое или

сознательное – допустить наличие их «причины». (Замечу, что именно о причинах психического шли и продолжат идти основные дискуссии в классической психологии). Инициация, построение условий «исхождения» явлений сознания – это психологический эксперимент (очень возможно, что по замыслу подобный тому, как в классической физике иницируется проявление «силы»). То, из чего «истекает» сознание – это тот, который им исходно обладает. Он называется субъектом. А что есть Исток самой этой субъектности?

Вопрос об «истоке» я ставлю, опять же, в опоре на Хайдеггеровский разворот, который сделан в его замечательном произведении, которое называется «Исток художественного творения» (Хайдеггер, 2005). И применительно к психологии это не выдуманный мной вопрос. Это вопрос, относительно которого шла вся полемика конца XIX – начала XX века и идет сейчас в так называемой когнитивной психологии. При этом само слово «исток» можно понимать двояко: как первоначало (земля, воздух, вода, огонь в античности, а ныне – деятельность, общение, язык). А можно понимать по-другому – видеть в истоке *энергию выхода из скрытости в явленность и удержания явленности...* Я слово «энергия» беру метафорически (из наших занятий с Владимиром Александровичем Львовским в начале 2000-х, когда он работал над курсом физики, я понял, что иначе и нельзя взять). Я использую это слово метафорически, надеюсь, что все понимают, о чем идет речь. Я не хочу употреблять слово «сила», но можно сказать и сила, в данном случае это не важно. Это сила, которая выводит вовне. Вот есть исток реки – это что-то, какая-то «борьба» в земле происходит (слово «борьба» – важное слово), и вода выходит на свет. Дальше, когда река течет, она может течь как ручеек – недалеко и недолго, а может течь три или больше тысячи километров. В этом течении удерживается и усиливается

энергия истока. И тут я *вы-спрашиваю*: а как и когда исток «субъектности» действительно *есть*? Что мы имеем в виду, когда говорим, что он «есть»? И тогда я опрашиваю, поскольку должен выстроить ситуацию, где этот исток выступает в своей полноте и воссоздается. Это моя *задача* как ученого-психолога.

Повторяю, чтобы не было многих ассоциаций. Первое: в каком мифе мыслим? Два мифа. Один про сопричастность тому, что есть психика с ее энергетикой. Второй про усилие делания психики объектом исследования, усилия representation, *пред-ставления*, перед собой выставления. Где выставить? В индивиде. Дальше вопрос, таким обывательским языком: а откуда она в нем взялась? Или не обывательским языком: что есть ее исток? И это спрашивание. *Вы-спрашивается*, каким образом и когда этот исток действительно есть, присутствует. И тогда опрашивание – разговор об эксперименте, а именно о том, как мы строим те ситуации, в которых мы «провоцируем» некий особый вид этого истечения, выхода вовне того, что называется психикой и сознанием. Это, собственно, условия разных экспериментов и в начале психологии, и сейчас по *вы-явлению* реальности психики и сознания – по *деланью* реальностью того, чем хотят заниматься психологи.

Ну вот, собственно, все введение.

**Татьяна Ковалева:** Борис Даниилович, а вот в этом кусочке, где Вы обсуждали метафору культуры, про книги, Рим, города... В Вашей логике тогда это что? Если это не объект.

**Б. Э.:** Я потому вопрос о культуре так резко и обозначил, что это вопрос, на котором и будет строиться представление о выготскианстве. То есть рановато отвечать... Но раз спросили, то предварительно отвечу: в современности культура – это язык, речь, книга, город, ну и т. д. Дом, человек, дерево (в рисуночных тестах, кстати).

Это то, что призвано вводить человека в его место, в *уместность*, т. е. способ. Не ценность, а *способ*. Но это и то, что может уводить человека от его уместности, заменять человеку вопрос о его уместности – ну, например, в социально-ролевых отношениях. Прихожу в аудиторию. Кто приходит? Профессор. Понимаете? А кто там сидит? Да «обычные» «незнайки-студенты». И если исходить из этого уже заранее сделанного различения, что тогда такое мой («профессора») разговор? Он уже предопределен.

Вопрос о культуре – он очень интересный, и может быть в конце, в разговоре о периодизации мы его коснемся. Вопрос о том, каким образом в культурных формах преодолевать их же ставшие «каменные» или «фанерно-картонные» симуляции? Когда я говорю слово «симуляции», я имею в виду работы Жана Бодрийяра о культуре как симулякре (Бодрийяр, 2013). У него очень интересно: он считает, что «симуляция» – это не «плохое» культурное, а это необходимый момент культурного.

Я полагаю, что, когда говорится слово «культура», то говорится о способе и работе по нахождению своего фактического места, где слово «место» еще «икс», его значение не налично – надо о нем еще до-выспросить. Или же говорится об автоматическом занятии вот этого места – уже дано, занял (профессор, полковник, генерал, президент чего-либо и т. д.). Последнему, кстати, сопротивляются разные общественные движения. Ну и т. д. Я не буду включать примеры современной жизни в мое рассуждение, и так все понимают, о чем идет речь. Вот так длинно я бы ответил.

**Вопрос от участника:** Борис Данилович, честно говоря, мне остался непонятен переход от субъекта к субъектности. Проясните, как они соотносятся.

**Б. Э.:** Это одна из основных линий всех лекций, но сейчас поясню. Мы, включая сознание в индивида, начинаем называть его субъектом, это многие делают. Это есть

простой языковой прием: если говорится «субъект» – значит, существует некая субъектность, например, в отличие от объектности в этом классически-философском различении. Это первое, самое простое рассудочное заключение.

Второе: вопрос состоит в том, где вот эта субъектность – она в индивидах, в городах, в институтах или где? И каким образом она начинает быть возможной. То есть, когда мы включаем сознание в индивида – сознание, бессознательное, психику – все это, не делаем ли мы какой-то не до конца продуманный шаг для того, чтобы «субъектность» могла быть перед нами *пред-ставлена*? Об этом идет разговор на протяжении всей истории психологии. Этот разговор переходит дальше в разговор об истоках субъектности, о том, откуда это вообще возникает «в» индивиде и продолжается до наших дней. Вот так я бы предвзвешенно ответил. Сказали слово «субъект» – скажите, а «субъектность»? В чем она *полно* выражается? Сказали слово «сознание» – скажите дальше – в выпрашивании и опрашивании, а вот эта «сознательность» в чем выражается? Сказали слово «человек» – скажите, а «человечность» в чем выражается? Сказали слово «глаз» или слово «зрение» – скажите, а «зримость» в чем выражается? Так можно продолжить почти про каждое слово.

\*\*\*

Итак, первое событие, которое «окужало» Выготского (Событие в значении перехода какого-то, «всплеска» мысли, пока я так буду это определять) – это та «субъективно-эмпирическая» психология, как ее называл П. Я. Гальперин на лекциях по истории психологии, т. е. это начало психологии как науки. Это начало и все это направление исследований, существовавшее как направление примерно до 10-х годов прошлого века, связано с именем Вильгельма Вундта. Существовавшее – т. е. росшее. 1910 год Петр Яковлевич датировал как первый кризис в психологии.

Итак, Вундт. Начну с того, что прочесть всего Вильгельма Вундта невозможно. Невозможно, потому что у него была забота – каждый день писать три страницы, а прожил он около (или более?) 90 лет. То есть весь этот шкаф книг прочесть невозможно. Я ориентируюсь на ключевые: «Очерк психологии», «Введение в психологию» и др. (Вундт, 1896, 2002). Я еще раз предупреждаю, что все эти концепции, окружавшие Выготского, мы будем, условно говоря, проходить – в полном смысле слова «прохождение», т. е. эскизно и конспективно.

Что Вундт взял из предшествующего мышления? Кстати, и Вундт, и его последователи философию и психологию не очень-то разделяли, и это хорошо (с точки зрения В. В. Давыдова, и моей отчасти).

Итак, мимо какого события, которое мыслилось как явление сознания, субъекта и субъектности, нельзя пройти? Вундт считал, что это – так называемая апперцепция (слово, введенное не им, а Лейбницем и Кантом). Что такое апперцепция? Это точка предельной концентрации и ясного видения индивидом чего-либо, т. е. предельность *пред-ставления*. Был такой рисунок – как бы рисунок сознания как строения глаза: кружочек, а в середине него находится точка ясного видения, фокус (*fovea*). Вот эта точка и была символом концентрации сознания в представлении. Как это удастся, каким образом? Как эта фокусировка осуществляется? В отражении. И тут целая история, около которой «философ» один, которого нас принуждали изучать, написал книгу «Материализм и эмпириокритицизм», ругательно-публицистическую (Ленин, 1986). Думаю, в этом нам разбираться не надо – откуда и куда идет отражение: из мозга и глаза, от предмета в глаз и мозг, и точное ли это отражение или это преломление, или какое-то иное изменение и т. п. Важно, что есть некая «линия», соединяющая того, который назван субъектом, и то, что названо объектом. Акт этого отражения требует не только описания,



но и объяснения. А объяснение должно быть причинным. Следовательно, исток апперцепции понимался как причина. Физики знают, что это такое в классической физике. Не буду сейчас говорить цитатами из второго тома гегелевской «Науки логики» о Сущности, понимание какой не исчерпывается причинением и причинностью, детерминацией (Гегель, 1971). Это особый вопрос.

Вместе с тем у Вундта есть две любопытные вещи: он отличал, условно говоря, физиологическую психологию, согласно которой причина сознания коренится в устройстве и функциях мозга, и другую психологию – психологию народов. Ассоциации по смежности, сходству, контрасту и т. д., посредством которых мы вообще что-то различаем и объединяем, т. е. представляем (ассоцианизм возник до Вундта, его центральная фигура – это Герберт Спенсер), осуществляются с помощью физиологических механизмов. Физиологическая психология объясняла простые представления индивида.

И дальше Вундт делал очень интересную вещь: есть другая психология – психология народов. Им написаны этнопсихологические работы и монографии. Соответственно, он считал, что есть нечто низшее (физиологопсихологическое по своей причине) и есть нечто высшее. Собственно, это натуральные и высшие психические функции (не Выготский ввел само это различие). Это разные типы функций, они по-разному детерминируются. Таков первый интересный «поворот» у Вундта.

Второе: Вундт как бы создал табличку, в которой делил психические процессы. Оттуда устройство наших «выдающихся» учебников по общей психологии, по которым учился наше студенчество и учительство, согласно которым психику составляют так называемые психические процессы: ощущение, восприятие, внимание, память, мышление, аффекты и эмоции, воля. Но Вундт их различал несколько иначе. Представьте это деление как бы

в табличке: в левой части таблицы и внизу – ощущение, а ему соплагается (напротив него, в правой части) – чувство. Тем самым полагается некое различие между ощущением и чувством. Выше в левой части – представление, а напротив него в правой – аффект. Далее в той же логике: мышление – воля. Тогда можно допустить, что движение в этих связках – от ощущения-чувствования к представлению-аффекту и мышлению-воле задает вот этот «икс», который называется апперцепцией. Соответственно, если относиться к сказанному имманентно, это очень непростое заключение. В чем же эти горизонтальные и вертикальные связки-переходы? Как отличаются и как связаны чувство и ощущение? Как их связность предполагает переход к представлению в его связи с аффектом и далее – к соотносительности воли с мыслью? Как?

Отмечу специально. До сих пор стоит трудный вопрос о соотносительности аффективно-мотивационной и когнитивной сфер в представлениях о психике человека. При этом известно, что их резкая разобщенность – симптом серьезного психического заболевания.

Какой вопрос Вундт себе задавал? Про что спрашивал? – Что есть психика как объект? Что выспрашивал? – А как *что* она явлена? Как и когда мы представляем психику? А что опрашивал? – «Работу» самосознания.

Экспериментальным методом у Вундта и во всех экспериментальных работах «субъективно-эмпирической» психологии (в терминах Гальперина) было, как вы знаете, *самонаблюдение*.

В своей предельной форме самонаблюдение практиковалось в Вюрцбургской школе исследований мышления (это примерно второе десятилетие XX века), основателем которой был философ-психолог Освальд Кюльпе. При этом Вюрцбургская школа получила название «школа профессоров» – они строили эксперименты друг над другом. Почему, зачем? Потому что самонаблюдение, т. е. наблюдение

испытуемого за тем, как он действует, что и как он видит, как нечто определяет и как мыслит, и отчет обо всем этом у этого круга людей было поставлено нормально, хорошо. И это было важно. Говоря нашим языком, испытуемый перед экспериментом должен был пройти «тренинг» самонаблюдения, т. е. должен был этому «учиться».

А что такое – самонаблюдение? Самосознание, осознание, есть такое слово, всеми любимое, – рефлексия. Вот это все, оно что – кануло в вечность? Вот сейчас, например, очень модным стал автобиографический нарратив, когда человек рассказывает о событиях своей жизни. Это с элементами чего? Это про что? Это же не просто «память»? Популярно также всевозможное «социально-психологические» анкетирование. Правда, в отличие от метода Вундта, это анкетирование будет оцифровываться и высчитываться по статистическим критериям, которые позволят выделить основные «факторы» в переживаниях, суждениях и прочем «масс» людей и отбросить «случайности». Во времена Вундта самонаблюдение еще не оцифровывалось, хотя были и такие попытки. Интерес исследователей находился не в области «среднестатистических» «массовидных» показателей психики и сознания, а в области понимания способа их явленности у индивидов.

Итак, что мы берем у Вундта? Первое: сознание в индивиду, индивид – субъект, он субъектен, предельная субъектность – апперцепция. Апперцепция связана с двумя какими-то интересными переходами и связками, а именно – со связкой «высших» и «низших» психических функций и со связкой аффективно-волевой и когнитивной сфер. Как устроены сами переходы-связки? Это «икс».

Чтобы *о-просить*, то, что мы выспрашиваем, мы строим специальный род экспериментов, центром которых является самонаблюдение испытуемых.

Второе: как бы «Анти-Вундт» – это феноменология Э. Гуссерля (Гуссерль, 2005). Здесь снова повторяю, что

буду строить не «учебник» по феноменологии (в своей трудности и сложности феноменология, похоже, сама этому «сопротивляется»), а пытаться выявить ее «интригу», ее выспрашивание.

Первое полагание: видение – это не отражение одних свойств в других свойствах – свойств вещей в свойствах нейронов. Это не просто лишь «автоматизм» отражения, а *интенциональный акт*. *Пред-ставление* возможно как связность *актов* («трудных действий»): *акта* выявления значения-смысла предмета – некоего «вызова» смысла («ноэма») во множестве *актов рас-смотрения* (а не «смотрения») – актов построения разных аспектов видения смысла («ноэзис»).

Тем самым высказано интересное суждение о том, что представление – это не нечто само по себе происходящее, не «автоматика», не данность – это «теорема», а не «аксиома». Сама интенциональность должна *стать, открыться* как феномен, открыться в полноте своей явленности, и *вы-спрашиваются* условия возможности этого ее «открывания» перед собой постановки – постановки не самой наличности предмета, а смысла предмета – его сущности.

Возникает вопрос. А как и когда в мысли и суждении о предмете удерживается, не «рассеивается» сущностность этого предмета? Когда и он, и само его рассмотрение становятся *явленными* в своей полноте, в своей *сущности* (а не лишь свойствах и признаках) – когда они становятся Феноменом? По Гуссерлю, условие такого представления, т. е. феномена – «феноменологическая редукция» – некая специальная «прочистка головы». А именно ее «отчистка», освобождение от готовых, до акта *у-видения* существующих установок, допущений о предмете, от представлений о чем-то (ком-то) до встречи с ним.

Мой пример (житейский и облегченный): что делает то ролевое представление о профессоре и студентах, о котором иронично говорилось? Это грубый пример, но, тем

не менее, понятный. Первое, что должен сделать профессор, если он хочет не только разговаривать, но и что-то думать, – он должен освободиться от уже готового знания о «них» («молодых», «легкомысленных», «незнающих» и пр.). Освободить свою голову от презумпций каких-то, возникших до акта мысли как *акта встречи*. Условно: я должен, читая эту, так называемую, лекцию, освободиться от допущения того, что некоторые Вундта не читали и этого не знают, а некоторые это уже знают. Это допущение не должно быть тем, из чего я исхожу, разговаривая о Вундте, потому что тогда *сам Вундт* – смысл работ Вундта и сама эта «субъективно-эмпирическая» психология (словами П. Я. Гальперина) у меня не высветятся. Я должен освободиться и от предваряющих суждений о том, что это «эмпирическая», а не «теоретическая» психология, т. е. от заранее заданных допущений о предмете суждений.

Кстати, по-моему, в дискуссиях это называется имманентной критикой – из самого объекта, из самого значения-смысла слов, сказанных оппонентом, а не из уже готовой (заготовленной) «позиции», годящейся для всех возможных слов. И тогда выпрашиваемое и опрашиваемое (экспериментируемое) – это про то, каким образом появляется *феномен* мысли (*cogito*), в каком роде видения появляется *феномен* восприятия, когда внимание выступает как «вынимание» и т. п. Ко всем «психологическим» словам надо прислушиваться, *воссоздавать* вы-явленность их смысла. Такова, на мой взгляд, адресованность Феноменологии к «научно-психологической публике».

Здесь я должен сделать отступление-примечание.

Когда я говорю и в дальнейшем буду говорить слова «связаны», «соотносятся», то говорю непростые для меня слова. Слово «отношение» мы берем, ну как бы, опять же «походя» (это я цитирую Василия Васильевича Давыдова про учебную деятельность). Но ведь отношение, отнесение – это то, *как*, через что одно я «несу» – отношу –

к другому. Как, например, соотносятся кухня и гостиная? А они связаны в акте буквального переноса блюд, а этот перенос есть *переход, проход промежутка* или переступание *порога* между кухней и гостиной. Порог – предметность самого их «отношения», их различия. То есть когда я говорю слово «отношение» (это к дальнейшему), я должен его *предметность* выказать. *Как, чем, через что* соотносятся-различаются берега реки? Это расстояние. Но когда я говорю: расстояние 1 километр или 20 метров, – я же уже говорю о чем-то, я говорю предметно. Но этот предмет – 20 метров – это же не просто 20 метров, это же *отношение, выявленность различия* берегов, а не отдельная величина («штука»).

Что связывает берега? – Мост. В мосте это отношение, способ со-отнесения выражен. Мое движение, мой проход по мосту – и есть фактический способ различения-соотнесения. Когда я иду по мосту, то иду не просто как по земле, а всегда чувствую изменение предметности этого отношения – перешел или не перешел, иду в середине, в начале, в конце. Вот это – *про-явленность* значения слова «отношение» как особой динамической предметности.

Наконец, последнее на сегодня. Третье событие, «окружавшее» Выготского, про которое мы все так хорошо знаем и, по-прежнему, зная, часто в него незаметно для нас самих попадаем, – это бихевиоризм.

Все знают про «черный ящик». При этом «разговор» был о том, что невозможно строить «позитивную науку», исходя из всяких «гипотетических» вымыслов, домыслов и фантазмов о сознании и прочем. Так не удастся получить никаких реальных «фактических данных». Поэтому тем, что называется сознанием, мы заниматься не будем. А чем реально можно заниматься, что можно исследовать без ненужных умозрений? Фактическим поведением индивидов. Сознание и психика условно и символично были помечены как «черный ящик». А что такое поведение в отличие от сознания? Это не фантом, это реакция на стимул.

А дальше и гештальт-психологи, и Выготский, и мы с вами критикуем этот самый бихевиоризм. Но мы забыли, упустили один ход, о котором ни Джон Уотсон и его последователи, ни многие другие открыто не говорили. А именно, то, что этот черный ящик со схороненными в нем сознанием и психикой был «высажен» в Мир, в больший, чем он, хронотоп. Тем самым как бы было сказано, что изучать имеет смысл не отдельных индивидов с «присущими» им психикой и сознанием, а *способ их вовлеченности* в Мир, имеющий определенное устройство.

Мир был понят как мир отдельных стимулирующих «точек». Переключение «стимул – реакция» выступило в качестве общего способа вовлеченности скрытых сознания и психики в Мир. Этот мир был назван «средой».

Как устроена среда в бихевиористской трактовке? Как можно символически изобразить место индивидов в ней? Как один кружочек (индивид) среди нескольких отдельных, атомарных точек со стрелочками, направленными на него. Индивид в своей телесности претерпевает отдельные раздражения. Усиление или избегание этого претерпевания выступают как отдельная реакция. Поэтому понятно, почему электрический ток был основным орудием экспериментов, а крысы были основными испытуемыми.

Научение было функцией от повторения. Механизмом научения считались пробы и ошибки.

И в самом конце расскажу историю, которую Петр Яковлевич Гальперин рассказывал нам в курсе истории психологии.

В 1927 году (насколько помню) Э. Толмен проводил опыты с крысами по их научению «правильному» выходу из лабиринта, в котором два выхода: в конце одного – пища, а в конце другого – удар током (по-моему, это был Т-образный лабиринт). Крысы в клетках, лабиринты где-то рядом. Эксперименты направлены на выявление того,

сколько повторений (проб и ошибок) нужно, чтобы крыса научилась выходить, куда надо (к зернышкам, а не к току).

Однажды ночью случился казус. Крысы из одной клетки открыли ее и начали бегать по этим лабиринтам, где не было ни тока, ни зернышек, просто бегать. Утром пришли экспериментаторы, лаборанты в лабораторию и посадили их обратно в клетку. Далее в экспериментах выяснилось, что те крысы, которые просто бегали по лабиринту без всяких токов и зернышек, статистически значимо лучше ориентируются в лабиринте. Спрашивается, что же это значит? Где стимулы? Где реакции? И здесь возникло представление об ориентировке – не о пробе и ошибке, а о «свободной» ориентировке. Таково начало так называемого необихевиоризма, в схемах которого между стимулом и реакцией находится ориентировочная активность.

Некоторые современные когнитивисты (в когнитивной психологии не одно направление) видят свое начало в работе таких «прародителей», как Дж. Миллер, Е. Галлантер и К. Прибрам, в их книге «Планы и структура поведения», которая с этих необихевиористских позиций и написана (Миллер и др., 1965).

Так что это такое – тот мир, в который вовлечен индивид? Или, возвращаясь к Гуссерлю, как и когда, в каком рассмотрении этот мир выступает, является нам? Он *про-ясняется* в каком акте? Лишь в реакциях индивида или как-то иначе?

Я исчерпал все время... Мне осталось еще всего три события, я их оставляю на следующую субботу, и тогда же, я надеюсь, мы начнем рассматривать концепцию Выготского (если я справлюсь с этими тремя событиями за одну лекцию). Но извините, я себе не могу отказать в тех мыслях, которые мне приходят по ходу нашей работы.

Остались три события, «окружавшие» Выготского: гештальт-психология, французская социологическая школа и психоанализ.



**Александр Попов:** Борис Данилович, огромное спасибо за этот философско-психологический исторический детектив. У меня есть один вопрос, который меня, можно сказать, несколько десятилетий мучает, и вот я нашел, кому его задать. Про Э. Гуссерля, «Философия как строгая наука» (Гуссерль, 2005). Собственно, я связку между мышлением и сознанием и феноменологической редукцией, чем дальше в историю психологии и философии, между линией Гуссерля и теорией сознания и линией развития деятельностного подхода и мышления вижу как разъединение разных позиций. Поэтому позиция Гуссерля, позиция сознания с позицией мышления у меня соединяются только «сзади», на Иммануиле Канте. Но правильно ли я понимаю, что собственно теория мышления так или иначе преодолевает трансцендентализм, и все эти феноменологические редукции использует лишь только как бывший эмпирический материал?

**Б. Э.:** Значит так, если я Вас правильно понял. Вся феноменологию (и Э. Гуссерля, и М. Шелера, и нашего Г. Г. Шпета, между прочим) осветить во всей ее полноте и гениальности и, кстати, философию времени гуссерлевскую, естественно, я не мог по двум причинам. Во-первых, недостаточно компетентен. Во-вторых, времени не было. Когда я говорю – подсказка для дальнейшего – о феноменальности акта как о вопросе, относящемся ко всем концепциям, то подразумеваю, что тем самым в дальнейшем я буду проблематизировать, ученым языком выражаясь, то есть выспрашивать об истоках и вопросах самой деятельностной психологии. Меня Гуссерль не волнует как отдельный мыслитель. Меня, из моей позиции, Гуссерль волнует как условный – спустя сто лет – «provocateur» Выготского, который, кстати, на него не очень-то ссылался, как и на Хайдеггера (видимо, просто не читал Хайдеггера, а Гуссерля читал). И А. Н. Леонтьев так, походя, говорит о Гуссерле в одной фразе.

Поэтому для меня вопрос не в различиях их установок, ходов, подходов, горизонтов того и другого «глаза» (условно назовем так: глаза Маркса, глаза Гегеля, глаза Канта и глаза Гуссерля). Для меня вопрос в том, а Гуссерль провоцирует ли или, языком Уотсона, «стимулирует» ли современных выготскианцев и деятельностьников на некоторый *их вопрос*, на который он фактом своих концепций «намекает»? Вот что меня «тревожит». Вовсе даже не их расхождения и различия позиций. Так бы я ответил и не ответил на Ваш вопрос.

**Оксана Островерх:** Борис Даниилович, на уровне метода в «событии 2» про Гуссерля, как бы Вы его на примере субъектности... Если мы говорим про отношения для него, как вот эта связка, то отношения между субъектом и средой как бы в этом подходе с помощью феноменологического метода раскрыть?

**Б. Э.:** Я сейчас попытаюсь до-понять. Как нам бихевиористские дела раскрыть с помощью феноменологического метода?

**Оксана Островерх:** Вы приводили пример самонаблюдения, как в этом самонаблюдении какой отчет дает субъект, и на основании этого отчета мы видим проявления этой субъектности, его характеристики. Как здесь в феноменологическом подходе с помощью метода можно увидеть отношения и связку между субъектом и средой?

**Б. Э.:** Первое, что предстоит сделать, в моем понимании феноменологического метода, это ответить на вопрос: как возможна сама интроспекция, каковы ее условия, каковы ограничения этого самонаблюдения, наблюдения за своими «психическими явлениями» (это их термин). Каким образом и когда, в условиях какого эксперимента то, как я вижу, как я слышу, что я слышу и что я вижу, может стать объектом. Гуссерль, кстати говоря, от

самонаблюдения не уходил, он его проблематизировал. Самонаблюдение – это «икс», для Гуссерля. А для Вундта – у него все есть про это в его шкафу с книгами – это условие факта сознания, и он само самонаблюдение не анализирует. Поэтому феноменология дает возможность предваряющего вопроса. Он современен, сказал бы я. Потому что нет такого психолога (и в развивающем обучении, и в «регрессирующем»), который не употреблял бы слово «рефлексия». И только один методолог, а именно, Георгий Петрович Щедровицкий в отношении этой рефлексии в споре с В. А. Лефевром начал говорить о том, как вообще это устроено. Как это устроено, как я вижу вообще собственное поведение откуда-то. И там возник разговор о *позиции*... Это был пример. Мы говорим: рефлексия, рефлексия там, рефлексия здесь... Кстати, у Гегеля эта самая рефлексия от reflexio («отражение»). Рефлекс – это я отражаюсь в чем-то. Вот так, собственно.

Теперь обращение Гуссерля и его последователей к нам. Можете вы сказать об условиях и устройстве того, как и что мы делаем, чтобы начать видеть свое поведение, то, что они называют психическими явлениями, и прочее в этом роде. Кстати, в Давыдовской логике это называется логико-предметным анализом, в данном случае речь идет об анализе «рефлексии». Это и будет представлением о том, как вы видите. Это и есть устройство ноэтического и ноэматического актов. Вот так бы я быстро не ответил, а «перепоставил» этот вопрос.

**Алексей Шнитников:** Я из Риги, преподаватель социологии, преподаю курсы, в том числе по исторической социологии. У меня такой вопрос в целом по Вашему курсу, поскольку он называется «Культурно-историческая концепция», какова роль именно истории в концепции Выготского? Я читал несколько работ Выготского, когда был студентом, и, насколько я помню, роль культуры там видна,

а насколько видна роль истории? Может быть, если не сам Выготский, то кто-то из его последователей работал именно с историей?

**Б. Э.:** Это вопрос к дальнейшим разделам, но раз он задан, я предварительно на него отвечу. Да, история или исторический акт сам – вот что есть история – это ключевой вопрос для психологии развития, потому что историй много, и времена друг в друга включены. Время выполнения действия – во время периода, во время онтогенеза, а время онтогенеза – в историческое время. Об этом более подробно, когда я буду разбирать работы Даниила Борисовича Эльконина по истории детства. Но, если ответить уже сейчас, то в этом смысле, повторяя афоризм Владимира Петровича Зинченко, скажу, что история – это не про факт, а про акт, если мы говорим об истории какой-то субъектности, какого-то субъекта. Кстати, история – это то, на чем сейчас, похоже, «живет» кризис научно-гуманитарной мысли. Есть два произведения Ф. Р. Анкерсмита: «История и тропология: взлет и падение метафоры» и «Возвышенный исторический опыт», где говорится о разных видах построения истории (Анкерсмит, 2007, 2009). А «последний» (по выражению А. М. Пятигорского) феноменолог Поль Рикёр говорил об истории как об интриге связанности событий. Итак, история может пониматься причинно, история может пониматься событийно, может пониматься в духе школы «Анналов» и так далее.

История или связность событий для генетического психолога есть самый большой «икс» – условно говоря, связность событий младенческого возраста и взрослости. История не есть некая данность... Вот эта связность событий – как они между собой «пересекаются»? Событие младенчества – непосредственно-эмоциональное общение – это что: событие лишь младенчества или на всю жизнь? То же касается и французской революции,

около которой все историки «пляшут», то признавая, то отрицая ее как некую переломность. Это событие пустило свои корни только в пределах XVIII – начала XIX века и закончилось, «стухло» при Наполеоне, или его отголосок слышен во всей дальнейшей истории? История – это связность того, как сбывается некое деяние в своем длении-продолжении. Как сбылась или как сбывается история нашей страны, то есть ее жизнь, ее «онтогенез» тысячелетний? А других стран? Я бы пока лишь в этих суждениях, проблематизирующих (вслед за указанными авторами) смысл историчности, отнесся к Вашему вопросу. Что касается социологии, то в следующей лекции речь пойдет о французской социологической школе (Э. Дюркгейм, Л. Леви-Брюль) – как о событии для Выготского. Речь пойдет о них лихо, быстро, но это непосредственно Ваш материал как социолога, который историей и социологией занимается. Пока я бы так сказал.

**Лидия Дмитриева:** Я хотела спросить про эпитафию, чтобы начать понимать всю Вашу конструкцию. Когда Вы Мандельштама цитируете, почему для Вас необходимо противопоставить город Рим и место человека во вселенной? Что за содержательные контексты за этим стоят, что важно их здесь противопоставлять в логике Вашего дальнейшего размышления?

**Б. Э.:** Город Рим – я его беру как одно из средоточий культурных форм. И поэтому, когда сказано: «не город Рим живет среди веков, а место человека во вселенной», то, находясь в русле культурно-исторической психологии, мне важно подчеркнуть вот эту иронию. Город Рим был велик и был разрушен, в этом его судьба. А потом опять восстановлен уже значительно позже. В этом смысле, когда мы говорим о культурно-исторической психологии, то свершенное культурное – это и города, это и книги, это и языки, и многое другое. А это свершенное

культурное берется в себе и для себя, гегелевским языком? Как нечто завершенное и собой определяющее? Или именно в *обретении места* человеком оно что-то делает? Что делает? И вот здесь будет дальше ответ Выготского на суждения о культурно-историческом. В связи с этим я и противопоставлял Рим и место человека – противопоставлял, чтобы избежать «автоматизмов» «культурных» детерминаций, причинений. Вы знаете работы Бодрийяра о культуре как о том, что помогает действовать, так и о том, что провоцирует «скиснуть» в виде всяких симуляций. Ну, например, вот так. Условно говоря, есть искреннее сочувствие, люди здороваются за руку, и чувствуется рука. А есть симуляция приветствия, светская улыбка, которая говорит: «Давай разойдемся, все, привет». (Я не против светского, только надо помнить, что оно в известном смысле родовое, а не функциональное). Вот в этом противопоставление. Тут может быть множество ассоциаций, я себя остановлю.

Начиная говорить о Выготском, ни в коем случае, на мой взгляд, нельзя говорить о культуре, о культурных формах как детерминации. (Тут, кстати, ключевое слово «форма», а не вообще культура... Сами знаете, как философ и логик, что слово «форма» – оно непростое, даже без противопоставления формы, организованности и т. д. из известных текстов). В культурных формах нельзя видеть детерминанту, причинность человеческого поведения. Поэтому я как намек и взял одно из стихотворений Мандельштама. Второе будет перед Выготским.

Лучше пока не отвечу. Но еще подумаю неделю. Подумаю, может, еще как-то отвечу.

## Лекция 2

13 февраля 2021

Итак, дорогие друзья и коллеги, давайте вспомним конец предыдущей лекции и пойдём от него дальше – к началу новой части.

В прошлый раз мы обращались к эпитафии – стихотворению Осипа Мандельштама. Поскольку у нас разговор о культурно-исторической психологии, то именно её культурность, её историчность, наше с придыханием сказанное слова «культура», на мой взгляд, надо чуть-чуть «усомнить». Поэтому было выбрано такое стихотворение:

*Пусть имена цветущих городов  
Ласкают слух значительностью бренной.  
Не город Рим живет среди веков,  
А место человека во вселенной.*

А дальше еще четыре строки:

*Им овладеть пытаются цари,  
Священники оправдывают войны,  
И без него презрения достойны,  
Как жалкий сор, дома и алтари.*

То есть имеется в виду не Рим сам по себе (в соответствии со своими «царскими» представлениями), а место во вселенной, вообще уместность этой человечности. Соответственно, тут и было выставлено ключевое искомое именно для выготскианской теории. Именно так она мной рассматривается-понимается – как бы с высоты, с промежутка прошедших более чем восьмидесяти, девяноста лет... Так ее можно рассматривать, поскольку полагаю, что именно деятельностная и культурно-историческая психологии что-то выявили (не подчеркивая этого) именно в

Борис Даниилович Эльконин

**Психология развития с позиции  
культурно-исторической концепции.  
Курс лекций**

Печатается в авторской редакции

Редактор О. В. Решетникова  
Корректор Л. Г. Бардонова  
Дизайн обложки И. С. Ефремова  
Вёрстка В. В. Львовский

Некоммерческое партнерство «Авторский Клуб»  
109052 г. Москва, ул. Нижегородская, д. 104, корп. 3  
+7 (968) 0892225, [info@author-club.org](mailto:info@author-club.org), [www.author-club.org](http://www.author-club.org)  
Подписано в печать 29.11.21г. Формат 60х90/16. Бумага офсетная.  
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,5. Заказ № \_\_\_\_

Отпечатано в типографии: ГУП МО «Коломенская типография»  
140400 Московская область, г. Коломна, ул. III Интернационала, д. 2а.  
ИНН 5022013940. Тел.: +7 (496) 6186016. E-mail: [bab40@yandex.ru](mailto:bab40@yandex.ru)